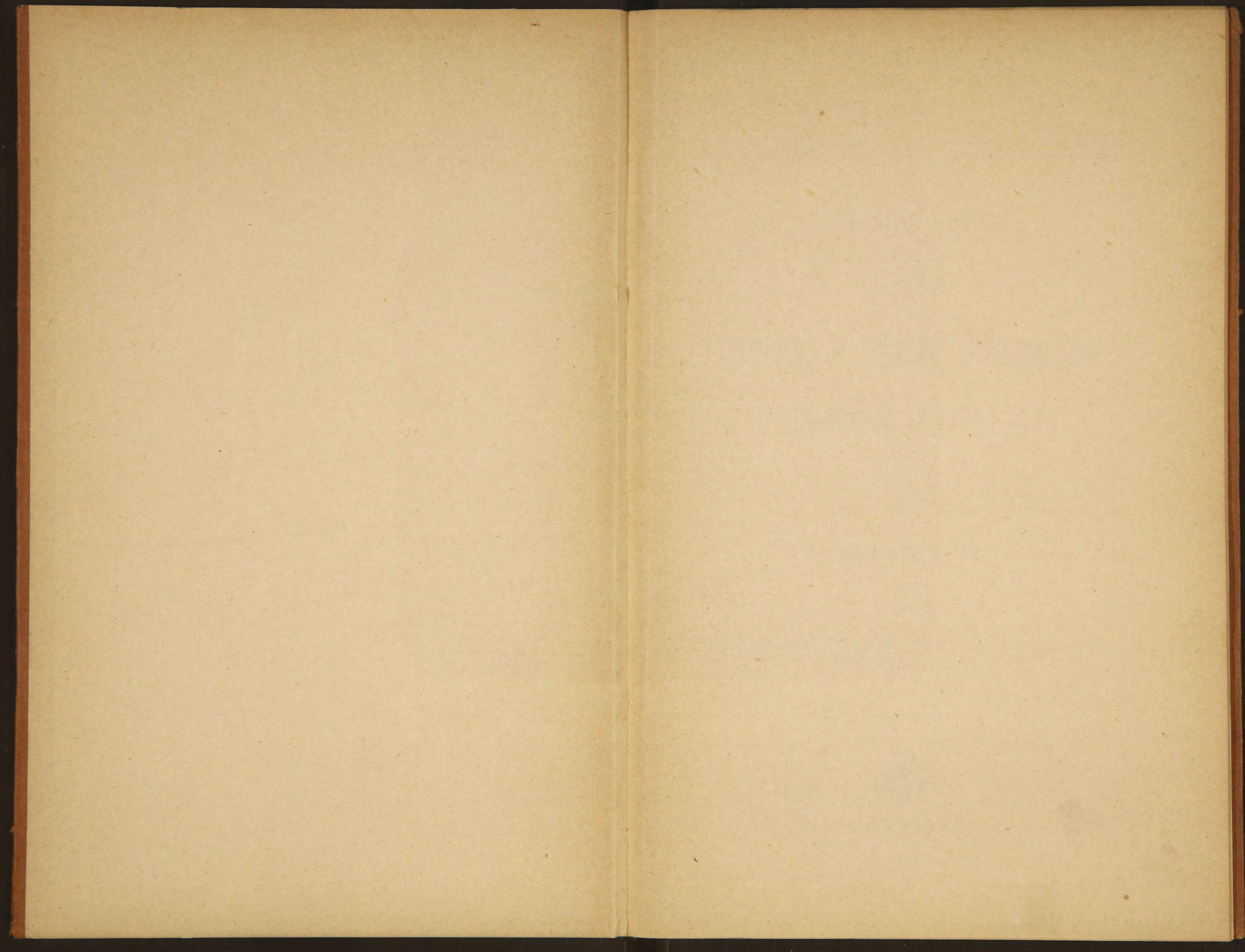

17.574.

И. Я. ГУРЛЯНДЪ.

Приватъ-доцентъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

КЪ ВОПРОСУ

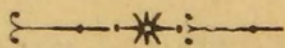
ОБЪ

ИСТОЧНИКЪ И ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ

ЯМСКОЙ ГОНЬБЫ

ВЪ

древней Руси.

Рѣчь, произнесенная 30 августа 1899 г. на актѣ Демидовскаго Юридическаго лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1900.

БИБЛИОТЕКА ИХ ССР

к

И. В. ТУРЬЯНДЪ

Юридическое Лице Демидовского Юридического Лицея

В. Р. ВОШЬОСЯ

ОБЪ

ИСТОРИЯ И ВРЕМЕНА ПРОСВЕЩЕНИЯ

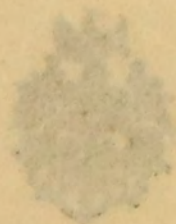
70993

ИМСКАЯ ТОНЬ

Печатано по опредѣленію совѣта Демидовскаго Юридиче-
скаго Лицея. Директоръ *С. Шпилевскій*.

ДРЕВНІЙ РУСЬ

Рѣчь произнесенная 30 августа 1889 г. на сѣдѣ Демидовскаго
Юридическаго Лицея.

В. Р. ВОШЬОСЯ

Типографія Демидовскаго Лицея

1890

Предлагаемое разсужденіе, послужившее оенованіемъ для рѣчи, произнесенной мной на годичномъ актѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея 30-го августа 1899 г., является вмѣстѣ съ тѣмъ первой главой подготавлиаемаго мной къ печати изслѣдованія о „Ямской гоньбѣ до конца 17 вѣка“. Я рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ эту главу отдѣльнымъ изданіемъ не только потому, что желаю слѣдовать академическому обычаю, по которому актовья рѣчи, обыкновенно излагающія лишь выводы, находятъ свое оправданіе въ указаніи всѣхъ данныхъ, приведшихъ къ извѣстнымъ выводамъ, но и потому еще, что вопросъ объ источникѣ и времени происхожденія у насъ ямской гоньбы, этого удивительнаго свидѣтельства административной дѣятельности Московскаго государства, можетъ считаться во многихъ отношеніяхъ самостоятельнымъ вопросомъ. Правда, онъ еще не служилъ предметомъ оживленнаго научнаго спора, но до сихъ поръ его нельзя считать не только рѣшеннымъ, но даже разъясненнымъ.

Не скрою, окончательное выясненіе этого вопроса можетъ быть сдѣлано только ученымъ—оріенталистомъ. Меня поддерживаеъ, однако, убѣжденіе, что едва-ли мною упущено изъ виду что-либо, что доступно изслѣдователю, разбирающемуся въ подлинныхъ памятникахъ Востока лишь опупью, но изучившему ихъ съ доступной полнотой въ переводахъ.

И. Г.

Всѣ вопросы, связанные съ вопросомъ о ямахъ, объ ихъ устройствѣ, о ямской гоньбѣ, о повинностяхъ, вытекавшихъ изъ ямской организаціи и т. д. только со времени великаго князя Іоанна III могутъ быть обоснованы болѣе или менѣе точными данными. О времени предшествовавшемъ мы можемъ судить въ гораздо большей степени на основаніи аналогій и предположеній.

Трудно думать, чтобы домонгольская Русь не знала извѣстныхъ способовъ, которыми пользовались для неизбѣжныхъ сношеній. Слагается государство, устанавливаются отношенія, ведется борьба за силу, власть, во имя расширения однѣхъ областей на счетъ другихъ, по неволѣ сносятся посольствами, мѣняются вѣстями, пересылаются гонцами. Въ предѣлахъ каждаго владѣнія выдѣлившійся центръ нуждается въ установленіи связи съ остальной территоріей; ратное дѣло, съ одной стороны, сборъ податей, съ другой, придавали этой потребности особое значеніе. Но мы, пользуясь тѣми свѣдѣніями, которыя сохранились до насъ, имѣемъ право лишь въ общихъ чертахъ намѣчать разрѣшеніе возникающихъ здѣсь вопросовъ.

Долго повторялось мнѣніе, что въ старыя времена, когда за государевымъ дѣломъ кто куда посыланъ былъ, онъ или на своихъ лошадяхъ, или на свой счетъ ѣздилъ, а иногда съ позволенія для такой поѣздки получалъ лошадей, которыхъ по окончаніи поѣздки отдавалъ въ государеву казну.¹⁾ Но, какъ ни скудны свѣдѣнія, дошедшія до насъ о „старыхъ временахъ“, если понимать подъ ними времена до великаго князя Іоанна III, все-же слѣдуетъ опредѣленно сказать, что сношенія на собственные средства

¹⁾ Это мнѣніе впервые было высказано въ извѣстной статьѣ о „Ямскомъ приказѣ“ въ т. XX, изд. 2. Вивлююики, стр. 412. Какъ намъ удалось установить изъ рукописи Миллера (Арх. М. И. Д., библ. № 388, тетр. 4) эта статья написана была для Новиковскаго изданія Миллеромъ. Мнѣніе Миллера повторено и въ „Выпискѣ о первоначальномъ заведеніи и дальнѣйшемъ образованіи почтъ въ Россіи“, сдѣланной по

князей, если и велись, то развѣ въ видѣ исключенія. Какъ правило, сносились на средства населенія, которое несло для удовлетворенія этой потребности извѣстную повинность часто весьма для него тяжелую. Въ землѣ Новгородской эта повинность уже въ началѣ 13 вѣка называлась *повозомъ*, въ другихъ земляхъ *подводой*. Какъ увидимъ дальше, объ условіяхъ такой подводной повинности въ актахъ конца 13 вѣка (А. А. Э, I, 1) говорится, какъ о чемъ-то установившемся изстари—можно думать, что подводная повинность была извѣстна населенію много раньше 13 вѣка.

Правда, еще подъ 984 г. лѣтописецъ говоритъ о Радимичахъ, что они „прешедъше ту ся вселиша и платяють дань, Руси повозъ везуть и до сего дне“ (П. С. Р. Л., I, стр. 36) но Соловьевъ, какъ извѣстно, уже объяснилъ, что подъ повозомъ здѣсь правильнѣе понимать тотъ способъ собирать дань, при которомъ племена сами привозили ее въ определенное княземъ мѣсто, въ отличіе отъ ѣзды князя на людье. ²⁾ Для 1209 г., однако, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи уже довольно определенное указаніе, что въ новгородской землѣ подъ повозомъ понималась обязанность давать подводы. Это именно то мѣсто лѣтописи гдѣ разсказывается, какъ новгородцы, сотворивъ вѣче на посадника Дмитра и на братью его, вспоминають при перечисленіи винъ посадника: „повелѣша... по купцемъ виру дикую и повозы возити и все зло“. ³⁾ Данное мѣсто становится определеннѣе, если сопоставить его съ обычной формулой договоровъ новгородцевъ съ князьями: „а дворянамъ твоимъ по селомъ у купцовъ повозовъ не имати разве ратной вѣсти“. ⁴⁾ Можно, слѣдовательно, думать, что обязанность давать подводы, распространявшаяся въ принципѣ въ мирное время не на все населеніе, въ дѣйствительности вела къ злоупотребле-

---

предписанію Мин. Ин. Д. А. Я. Будберга, въ 1807 г. (Рук. въ Арх. М. И. Д., № 226—396). Это-же мнѣніе повторено Успенскимъ, Опытъ повѣствованія о древн. рус., ч. 2, стр. 182—183, изд. 1812 г., Сергѣевымъ, Истор. взглядъ на почтовое управленіе въ Россіи, изд. 1840 г., § 5. То-же мнѣніе повторилъ еще и Бржозовскій въ его статьѣ „Историческое развитіе законодательства по почтовой части“, въ Юридич. Сборн. Мейера, стр. 345.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I, стр. 216, изд. Товарищ. „Общ. Польза“.

³⁾ П. С. Р. Л., т. III, стр. 30.

⁴⁾ Г. Г. и Д., т. I, 1, 3, 6, 7, 9, 15, 20.

ніямъ со стороны князей и ихъ слугъ, въ общемъ была въ тягость населенію, въ военное же время не знала ограниченій.

Дальнѣйшихъ разъясняющихъ извѣстій о повозѣ намъ не удалось найти, объ аналогичной-же *подводѣ* мы знаемъ нѣсколько больше. Если судить по указаніямъ значительно позднѣйшаго времени (а на это въ данномъ случаѣ мы имѣемъ право, такъ какъ, если бы время что-либо измѣнило тутъ, то именно подобныхъ указаній мы не имѣли бы), подѣ подводой понимались только лошади, а не лошади вмѣстѣ съ санями или телѣгой.⁵⁾ Кто обязанъ былъ давать лошадей, тотъ могъ быть обязанъ давать и кормъ. Обыкновенно о кормѣ говорится рядомъ съ подводой. Изъ подводной повинности вытекала и обязанность давать проводниковъ, хотя и эта повинность могла являться самостоятельной.

Издrevле кормъ, проводники и подводы являлись повинностями, которыми тянули къ городу, которыя отбывались съ погостовъ. „Отъ даютъ съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ“ (А. А. Э., I, 1). „Не надобѣ имъ потягнути къ городу ни въ которую дань, ни въ подвода, ни въ станъ, ни въ который проторъ“—читаемъ въ жалованныхъ грамотахъ еще 14 вѣка (А. А. Э., I, 4 и др.). Распорядкомъ по исполненію этихъ повинностей завѣдывали мірскія власти; на примѣръ, на Двинѣ—посадники, старосты и скотники (А. Э., I, 1; Соловьевъ⁶⁾ объяснилъ, что скотники здѣсь—сотники).

Изъ цѣлаго ряда данныхъ мы узнаемъ, что повинности эти всегда тяготили населеніе, которое смотрѣло поэтому на освобожденіе отъ нихъ не только въ цѣломъ, а хотя бы и въ части, какъ на дѣйствительную льготу. Соответственно съ этимъ, освобожденіе давалось только въ виду уважительныхъ причинъ и каждый разъ, т. е. для каждой данной мѣстности, опредѣлялось точно въ жалованной грамотѣ.

---

⁵⁾ Такъ, обыкновенно подорожныя 17 в. опредѣляютъ точно: подводы съ телѣги или съ сани (Ар. М. И. Д. П. Д. С. Л., 1606 г, св. 3, № 1, пачка подорожныхъ; А. Ю., 364, III; Рум. Муз., Гарелин. Собр. и др.). Для 1504 мы встрѣчаемъ такое-же объясненіе въ подорожной толмачу Селѣ, Пам. Дипл. Снош. I, стр. 112. Такое обозначеніе для сѣвера встрѣчаемъ еще у Корнилія де Бруина: „ямщики доставляютъ однѣхъ только лошадей“ Чт. О. И. и Д. 72 г., I, стр. 31. Встрѣчается указаніе: подводы верхи (А. Ю. 364, IV и др.).

⁶⁾ Ист. Рос., т. I, стр. 1165, прим. 2.

Освобождение давалось людямъ, поселеннымъ и селившимся на монастырскихъ земляхъ, послѣднимъ охотнѣе, чѣмъ первымъ, обыкновенно, однако, и тѣмъ, и другимъ на срокъ, но для инокняженцевъ срокъ большей частью удлинялся. Встрѣчаемъ также случаи освобождения людей, заселявшихъ пустынные дотолѣ мѣста, погорѣльцевъ и т. д. ⁷⁾ Обязанностью населенія давать кормъ, подводы и проводниковъ пользовались во зло княжескіе слуги и гонцы: брали лишнія подводы, брали силою, нерѣдко при этомъ пренебрегая и тѣмъ, что данная мѣстность пользовалась льготой. Князья пытались поэтому ввести въ отправленіе подводной повинности и въ пользованіе ею нѣкоторый порядокъ: заказывалось ѣздить новыми, не пошлыми дорогами (А. Э. I, 61, 65 и др.); для наблюденія надъ этимъ иногда (со второй половины 15 вѣка это дѣлается, видимо, постоянной практикой) въ данныхъ селахъ ставились особые пристава (А. Э. I, 82, 113 и др.); указывалось опредѣленно, что ратная вѣсть (почти общая оговорка въ жалованныхъ грамотахъ Іоанна III) приостанавливаетъ значеніе льготъ (А. Э. I, 121, 150, А. И. I, 75, 83, 86, Д. А. И., I, 48 и др.); что такое-же значеніе имѣетъ и княжеская подорожная (А. Э. I, 86, 123 и др.); дѣлалось различіе между княжескими гонцами и прочими

⁷⁾ Льготы давались князьями по разнымъ соображеніямъ, но преимущественно изъ желанія привлечь въ княжество путемъ монастырской колонизаціи новое населеніе. Это видно изъ преимуществъ, которыя обыкновенно предоставлялись инокняженцамъ (а кого къ себѣ игумень призоветъ людей изъ иного княженья, а не изъ моее отчины). Иногда и старожильцы, и инокняженцы уравниены (напр. А. Э. т. I, 38, 374 и др.). Иногда и старожильцы и инокняженцы освобождаются безсрочно (А. Э. т. I, 52, 60 и др.). Но по большей части льгота дается на срокъ (отъ 20—2 лѣтъ), причемъ съ преимуществами для инокняженцевъ. Напримѣръ, старожильцы не освобождаются, а инокняженцамъ дается десятилѣтняя льгота—А. Э., 17, 18, 20 и др.; 20-лѣтняя льгота—А. Э. I, 36; 15 лѣтняя льгота—А. Ю. К., I, 31, № VI; тутошніе на 5 лѣтъ, инокняженцы на 15 лѣтъ—А. Э., т. I, 23, старожильцы на 3 г., инокняженцы на 10 л.—А. Э. т. I, 21; старожильцы на 5 л., инокняженцы на 10 л.—А. Э., т. I, 44; старожильцы на 10 лѣтъ, инокняженцы на 15 л.—А. Э. т. I, 51; старожильцы на 2 г., инокняженцы на 10 лѣтъ А. И., т. I, 25, 36. Встрѣчаются и такія выраженія: и то деи село и деревня опустѣло и люди деи разошлись... и кого архимандритъ тѣхъ людей и т. д. (И. Б., т. II, 20). Ср. Горбуновъ, Льготы. грам., жалов. мон. въ 13—15 в.в., Арх., Ист. и Практ. Св. Калачова, 60—61 г.г., кн. 5, стр. 28 и сл. Можно отмѣтить также мотивъ желаніе поднять пашню въ доселѣ глухихъ мѣстахъ. А. Э., т. I, 44, 46, 135 и др. Встрѣчаются льготы и по случаю пожаровъ А. Э., I, 63; по случаю какого-нибудь спеціальнаго обстоятельства, напр. постройка монастырск. ограды—А. Э. I, 190.

слугами, при чемъ послѣднимъ запрещалось требовать подводы, когда они ѣздятъ на его, князя, службу или которыми иными дѣлами своими-жъ (наприм. — А. Э. I, 81), а иногда и вообще: „никоторыми дѣлами“, „всякіе ѣздоки не емлютъ, также и гонцы мои Великаго Князя безъ грамоты не емлютъ“.

Населеніе, какъ уже сказано выше, само вело раскладку повинности, но уравнительность достигалась съ трудомъ, и потому, вѣроятно, нерѣдки были случаи вмѣшательства князей въ мірскіе распорядки: считавшіе себя обочтенными, обращались съ жалобами, результатомъ которыхъ являлись различныя мѣропріятія. Главными поводами для этихъ жалобъ были злоупотребленія мірскихъ властей при нарядѣ подводъ въ предѣлахъ стана, посада, погоста, злоупотребленія со стороны подмогавшихъ сосѣдей, также пропуски, т. е. нежеланіе смѣнять сосѣдскія своими, чѣмъ, конечно, наносился ущербъ интересамъ сосѣдей, наконецъ — отказы въ счетѣ, т. е. нежеланіе однихъ платить другимъ по спеціальному ранѣе установленному расчету слѣдуемая за лишніа отпуски или вообще по подмогѣ въ отпускахъ деньги. Подлинныхъ дѣлъ этого рода мы не знаемъ для времени до послѣдней четверти 16 вѣка. Но если уравнительность не достигалась и при болѣе развитой административной системѣ, нѣтъ основаній думать, что она достигалась тогда, когда вообще объ административной системѣ не было и рѣчи. Поэтому едва-ли будетъ ошибкой по дѣламъ болѣе поздняго времени судить о времени предшествовавшемъ. Къ тому же и изъ самихъ извѣстныхъ намъ дѣлъ видно, что обыкновенно жалобы одной волости на другую по поводу подводной повинности носили хроническій характеръ: это были старинные споры, которымъ къ-тому же не предвидѣлось и конца. Такъ, напримѣръ, Еренчане и Усольцы стояли на Москвѣ для суда въ 1582 г., но изъ дѣла видно, что они судились уже и въ 1578 г. (Арх. Мин. И. Дѣлъ П. Д. С. Л., Св. 1, № 1); можно сказать утвердительно, что они судились и до того; съ ними-же мы не разъ встрѣчаемся и въ теченіи 17 вѣка. То-же можно сказать про судьбище между людьми Ковской, Кондалацкой и Керетецкой волостей и людьми Соловецкаго монастыря: по ихъ дѣлу имѣется указъ отъ 1597 г., но изъ указа видно, что счетъ между

волостями старинный (Д. А. И., I, 140); съ тѣмъ-же счетомъ встрѣчаемся, напримѣръ, и въ 1667 г. (Д. А. И., V, 43). Мѣняются формы суда, но сущность отношеній все та-же, все тѣ-же и нормы, являющіяся результатомъ этихъ судьбищъ.

Изъ этихъ данныхъ можно также заключить, что подводы и кормъ, и проводники выставались лишь по мѣрѣ надобности, при чемъ, какъ общее правило, лишь для дѣлъ князя и управленія. Организація правильныхъ и постоянныхъ сношеній еще не имѣла мѣста. Сношенія частныхъ лицъ производились каждымъ за его счетъ и страхъ.⁸⁾

Первыя упоминанія о *ямь* мы находимъ не раньше нашествія татаръ. Насколько извѣстно, впервые этотъ терминъ отыскивается въ ярлыкѣ хана Монгутимира,⁹⁾ который, освобождая митрополита и церковныхъ людей отъ разныхъ сборовъ и повинностей, упоминаетъ и объ освобожденіи отъ яма (1270—1276 г.г.). Существуетъ рядъ предположеній¹⁰⁾ о

⁸⁾ Гагемейстеръ, Розысканія о финансахъ древней Россіи стр. 23. Ср. также Погодинъ, Древн. русск. исторія т. II, стр. 419, 527.

⁹⁾ Г. Г. и Д., II, 2. Ср. *ibid* 7.

¹⁰⁾ Въ пользу мнѣнія о происхожденіи ямской гоньбы подъ непосредственнымъ вліяніемъ татаръ высказались: Соловьевъ, т. I, стр. 1544; Леонтовичъ, Ойратскій уставъ, стр. 271; Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія, стр. 14—15; Милюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи московск. госуд., стр. 21—22; Хрущевъ, Очеркъ ямск. и почтов. учрежд., стр. 3. Лаппо-Данилевскій не просто считаетъ татарскіе порядки образцомъ для русскихъ, а полагаетъ, что первоначально повинность эта и отправлялась въ пользу хана и его посланныхъ. Милюковъ возражаетъ противъ такого утвержденія. Мысль Лаппо-Данилевскаго является лишь развитіемъ словъ Соловьева: „ямы возникли сначала безъ сомнѣнія вслѣдствіе татарскихъ отношеній“. Бржозовскій. ц. с., стр. 347 рѣшается сказать только, что та форма, въ которой ямская повинность существовала въ продолженіи 14 и частью 15 в. не была, можетъ быть, безъ всякаго соотношенія съ подобными учрежденіями орды. Такая осторожность со стороны автора объясняется, конечно, дѣлаемой имъ далѣе попыткой найти доказательства византійскаго вліянія на формы нашихъ ямскихъ учрежденій (стр. 355—358). Впрочемъ, эту мысль авторъ самъ называетъ недоказанной. Владимірскій-Будановъ ограививаетъ вліяніе татаръ лишь тѣмъ, что они сдѣлали тяжелую повинность снабженія подводами и проводниками княжескихъ гонцовъ, самихъ князей и ихъ дружинниковъ особо памятной (Обзоръ ист. рус. пр., стр. 193). Остальные писатели или вовсе не касаются даннаго вопроса, или склонны считать ямскія учрежденія само-бытно развившимися изъ подводной повинности. Такъ, въ особенности, думаль Лешковъ, въ его статьѣ „О путяхъ сообщенія“, Москвит. 1852 г., кн. 1, стр. 23, также въ его „Русск. нар. и госуд.“, стр. 317 и сл. Отмѣтимъ оригинальную попытку Берендса „Госуд. хоз. Швеціи“, т. I, стр. 179—181. Авторъ думаетъ, что замѣчаемое имъ сходство между шведскими *skjutsbänderne* и нашими ямщиками заставляеть

происхожденіи слова „ямъ“, но, принимая во вниманіе недоказанность этихъ предположеній и имѣя въ виду заявленія ориенталистовъ, слѣдуетъ принять, что слово „ямъ“ было занесено къ намъ татарами.¹¹⁾ У татаръ этимъ словомъ

считать ямы учрежденіемъ, предшествовавшимъ эпохѣ монгольскаго ига, и занесеннымъ къ намъ варягами. Татары, по словамъ автора, только воспользовались ямами для своихъ цѣлей. Попытка эта, очевидно, противорѣчитъ всему тому, что мы знаемъ о ямахъ у монголовъ и китайцевъ; кромѣ того, не можетъ быть согласована съ тѣмъ фактомъ, что въ новгородской землѣ, т. е. тамъ, гдѣ прежде всего слѣдовало бы искать слѣдовъ указываемаго вліянія, еще въ первой половинѣ XV вѣка (1437 или 1456—1462 г.), какъ видно изъ извѣстной новгородской грамоты о черномъ борѣ (А. Ар. Эксп., т. I, 32) ѣзда производилась на мѣрскихъ подводахъ отъ стану до стану (съ десяти сохъ по двѣ подводы отъ стану до стану). Своеобразна также попытка Канивеца, „Русск. госуд. почта“, Вѣст. Евр. 1869, 11 стр. 281, гдѣ авторъ считаетъ, что ямомъ называлась вообще всякая повинность, какъ данью вообще всякая подать. Эта попытка находится въ связи съ производствомъ слова ямъ отъ славянскаго глагола яти, имати, брать. Последняя мысль была высказана еще Соловьевымъ, т. I, стр. 1697. Соловьевъ, однако, говоритъ такъ: „названіе ямовъ произошло или отъ русскаго слова емлю, или, что еще вѣроятнѣе, отъ татарскаго ямъ, дорога“. Можно думать, что производство ямовъ отъ иманья основывается на показаніи Данила Принца изъ Бухова, который (русск. перев. въ Чт. О. И. Д., 1876 г., 4, стр. 72) говоритъ: „эти деревни (ямскія слободы) обыкновенно называются ямами отъ иманья (*ab apprehensione*)“. Опроверженіе мысли Канивеца сдѣлано подробно Хрущовымъ, ц. с., стр. 3, примѣч. Есть еще объясненіе слова ямъ отъ ямы или межи. Такъ говоритъ гр. Толстой, Ист. финанс. учрежд. Россіи, стр. 50. Соловьевъ, стр. 1697 опровергаетъ эту гипотезу. Ср. Хрущовъ, ц. м. Совершенно несообразную гипотезу находимъ въ рукописи Каразина, „Историч. запис. о почтахъ“, хранящейся въ Ар. Ин. Д. Ссылаясь на Ростовскую лѣтопись, авторъ производитъ слово ямъ отъ имени народа Яма или Еми, обитавшаго отъ сѣверной стороны Ладожскаго озера до Двины и вверхъ до Бѣла озера, иначе называвшагося Заволочью. Этотъ народъ издревле былъ конницей новгородской. Ссылаясь на Двинскаго лѣтописца, авторъ говоритъ, что лошади у Заволочанъ не только были легкія, но и въ такомъ количествѣ, что они снабжали ими сосѣдственныя стороны. Новгородцы брали съ Заволочанъ дань не только деньгами, но и лошадьми. Когда въ 1464 г. Іоаннъ III покорилъ это племя, онъ расселилъ Еми, учредивъ за одно и ямы. Послѣ изслѣдованій о племени Еми или Ямъ Лерберга, Шегрена и Барсова едва-ли можно придавать гипотезѣ, допускающей у новгородцевъ финскую конницу, какое-либо значеніе.

¹¹⁾ По словамъ ориенталистовъ „дзямъ“ по монгольски—дорога, дзямчи—гонецъ, проводникъ, путеводитель. „Дз“ при переходѣ монгольскихъ словъ въ татарскій языкъ мѣняется на „я“. Это было указано еще въ работѣ Бржозовскаго, ц. с., стр. 346, прим. 1. На основаніи изученія Тимурь-Кутхукова ярлыка проф. Березинъ (Ханск. ярл., вып. 2, стр. 31) говоритъ: ямчи-шусунчи-ларъ означаетъ почтмейстеръ. Слово ямъ принято и въ русскомъ языкѣ, гдѣ производное „ямщикъ“ сходно и по звуку съ тюркскимъ „ямчи“, а еще болѣе съ персидскимъ „ямджикъ“—гонецъ. Первоначально „ямчи“ означалъ смотрителя почтоваго, а уже въ послѣдствіи слово это перешло въ униженное значеніе. Ср. Ж. М. Нар, Просв. 1850 г., т. 68, статья Березина, Внутр.

обозначалась налагавшаяся на подвластные народы дань, собиравшаяся для поддержанія почтовой организаціи въ ордѣ. ¹²⁾

Въ виду сравнительной скудости доступныхъ не ориенталисту памятниковъ, рисующихъ внутренній бытъ орды, мы не могли и думать о попыткѣ возстановить картину этой почтовой организаціи татаръ. Мы знаемъ только, что такая организація была, что она перешла къ татарамъ изъ Китая и что татары занесли ее съ собой и въ Золотую орду.

О китайскихъ ямахъ мы узнаемъ нѣкоторыя подробности изъ описанія Марко-Поло (начало 13 в.). По его словамъ,

устр. Золотой Орды, стр. 11 и 20. Въ китайскомъ языкѣ для однороднаго понятія— слова *iamb, ianli*, какъ это видно изъ описанія путешествія Марко-Поло, изд. Мюллера, 1671 г., кн. 2, гл. 23. Въ переводѣ г. Шемякина (Чт. Об. Ист. и Др., 62 г., 2, стр. 275)—кн. 2, гл. 20. Въмѣсто *Iamb* въ изданіи Мюллера—*Ianli* По словамъ Бюрка, въ рукописи Марко-Поло *Iamb*. См. примѣч. къ перев. г. Шемякина, I. с. Ср. также примѣч. Неймана—Ч. О. И. Д., 62 г., 4, стр. 510—511. Интересно, что *iamb, ianli*. дзямъ, дзямчи, ямчи, ямджикъ и, наконецъ, русское ямъ—слова столь разныхъ языковъ, но одного значенія. Это наводитъ на мысль объ одномъ и томъ-же проводникѣ какъ слова, такъ и заключеннаго въ немъ понятія. Легко предположить, что роль проводника въ данномъ случаѣ сыграли татары.

¹²⁾ Березинъ, Ханскіе ярлыки, 2 вып. стр. 31. Гаммеръ-Пургсталь, «*Geschichte der goldenen Hord*» изд. 1840 г., стр. 242 (Отзывы объ этой работѣ см. въ той-же книгѣ, стр. 543—642, а также въ Ж. М. Н. Пр., 1836 г., т. XI, стр. 158—159), ссылаясь на Рубруквиста (Замѣчательное путешествіе въ Тартарію и Китай), указываетъ, что ямами (у Рубруквиста—*Iani*) назывались лица, которымъ была поручаема забота о доставленіи къ мѣсту пословъ и объ ихъ содержаніи въ дорогѣ. Обращаясь, однако, къ подлиннику, мы не видимъ твердыхъ основаній къ такому выводу. Рубруквистъ (Гаагское изд., въ сборникѣ Бержерона, 1735 г.) въ гл. 17, стр. 31, говоритъ: „нашъ проводникъ обратился къ одному несторіанцу, по имени Коятъ, который былъ однимъ изъ главныхъ при этомъ дворѣ (Сартака). Онъ заставилъ насъ пройти довольно далеко къ одному важному господину, по имени Яна. Такъ называютъ того, кто обязанъ принимать пословъ“. Въ гл. 29, стр. 62 читаемъ: „мы не нашли на дорогѣ (отъ озера Байкаль до стоянки Менгу-Хана) никакихъ другихъ людей, кромѣ яни, т. е. людей специально назначенныхъ для того, чтобы изо дня въ день встрѣчать и сопровождать пословъ“. Въ первомъ случаѣ рѣчь очевидно, идетъ о главномъ начальникѣ почтъ, (это видно, между прочимъ, изъ описанія важности и великолѣпія, среди котораго принялъ онъ Рубруквиста) во второмъ—о людяхъ, живущихъ при почтовыхъ домикахъ. (См. дальше въ описаніи Марко-Поло). Въ гл. 17, на стр. 31, послѣ слова „Яна“ сдѣлана выноска на поляхъ, въ которой сказано: „Московиты называютъ теперь ямами тѣхъ, кто обязанъ готовить подводы ѣдущимъ ко двору ихъ князя“. Но эта выноска принадлежитъ не Рубруквисту, какъ, видимо, думалъ Гаммеръ-Пургсталь, а Бержерону; относится, слѣдовательно, не ко второй половинѣ 13 вѣка, а ко второй половинѣ 17 в.

на каждомъ большомъ пути изъ Камбалу онъ встрѣчалъ станціи съ домами для пристанища, называемыя *Iamb* — почтовые дома. На каждой станціи содержалось всегда наготовѣ 400 сильныхъ лошадей. Для жизни въ этихъ мѣстахъ, обработыванія земли и содержанія наготовѣ лошадей для почтовой службы назначались особые люди. Марко-Поло считалъ, что такихъ станцій въ царствѣ великаго хана десять тысячъ.¹³⁾ Нельзя сомнѣваться, что описанныя Марко-Поло станціи существовали за долго до Марко-Поло. Такъ, о курьерскихъ лошадяхъ говорится еще въ одномъ изъ эпизодовъ войны отца Чингизъ-хана съ китайцами.¹⁴⁾ Мы не знаемъ, когда появилась почтовая организація у татаръ, но извѣстно, что Чингизъ-ханъ предписалъ султану учреждать постоянныя почты, дабы знать скоро о всѣхъ событіяхъ въ государствѣ. Это извѣстіе находится у арабскаго писателя Макризи, изложившаго общее содержаніе такъ называемой ясы Чингизъ хана.¹⁵⁾ *D'Ohsson*.¹⁶⁾ Основываясь на показаніяхъ персидскаго историка Алаи-ед-дина, приводитъ, что Чингизъ-ханъ, по примѣру того, что существовало въ Китаѣ, устроилъ станціи для подставы лошадей (*stations de relais*) на большихъ дорогахъ, чтобы облегчить путь государственнымъ чиновникамъ, гонцамъ и вѣстникамъ. Почтовые лошади подставлялись жителями, обязанными давать курьерамъ и кормъ, и подводы для провоза дани. Специальныя правила опредѣляли, кто и при какихъ условіяхъ имѣлъ право пользоваться этими лошадьми. Къ концу 13 вѣка эта обязанность населенія выставлялъ на станціи почтовыхъ лошадей, какъ видно изъ разсказа Рашидъ-Эддина, повела къ столь серьезнымъ злоупотребленіямъ со стороны ханскихъ чиновниковъ и курьеровъ, что явилась необходимость произвести въ этомъ отношеніи рядъ существенныхъ реформъ—по всѣмъ видимостямъ, частью пополнить, частью видоизмѣнить пра-

¹³⁾ *Marco Polo*, I. с.

¹⁴⁾ Разсказъ объ убіеніи Гемикай-Каана, см. Эрдманъ, Предки Чингизъ-хана, Ж. М. Н. Пр., 1843 г., ч. 38, стр. 88 и примѣч.

¹⁵⁾ Березинъ, Очеркъ внутр. устройства Улуса Джучіева, Труды, Вост. Отд. Арх. Общ., 1864 г., ч. VIII, стр. 406 и 413. Леонтовичъ, Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій, стр. 193.

¹⁶⁾ *D'Ohsson, Histoire des mongols*, изд. 1834 г., т. I, стр. 307, Объ Алаи-ед-динѣ—*ibid*, стр. XVII—XXVII.

вила, установленныя Чингизъ-ханомъ. Каждый,—разсказы ваетъ Рашидъ,¹⁷⁾—ѣздилъ съ многочисленной свитой и жилъ на счетъ тѣхъ мѣстъ, которыя проѣзжалъ. Сдѣлалось обыкновеннымъ посылать курьеровъ по самымъ пустымъ поводамъ, и это практиковали всѣ, начиная отъ хатуній и принцевъ крови, кончая оруженосцами и ловчими. Злоупотребленія дошли до того, что на большихъ дорогахъ можно было встрѣтить больше гонцовъ, чѣмъ другихъ и путешественниковъ и что тысячи лошадей на каждой станціи не хватало подъ нихъ. Тогда брались лошади изъ стадъ, пасшихся въ окрестностяхъ. Хватали лошадей чужестранцевъ, мирныхъ гражданъ, ѣхавшихъ по своимъ дѣламъ. Гонцы были немилосердны въ своихъ требованіяхъ корма, денегъ и обирали часто платя, тюрбаны, все, что видѣли. Брали всего обыкновенно болѣе, чѣмъ это полагалось по предписаніямъ, и то, что имъ было уже не нужно, продавали. Это повело къ тому, что жившіе у большихъ дорогъ уходили въ горы, а на станціяхъ трудно было найти и двухъ лошадей въ хорошемъ состояніи. Историкъ описываетъ далѣе, какъ гонцы воевали другъ съ другомъ изъ-за очереди, изъ-за самой возможности двинуться далѣе, осложнявшейся уже однимъ тѣмъ, что каждый гонецъ, зная, какъ тяжело ему будутъ доставаться лошади и кормъ, бралъ съ собой цѣлые отряды. Газанъ, бывшій тогда ханомъ, задумавъ произвести реформы, не могъ уничтожить зло сразу: зло, освященное обычаемъ, слишкомъ укоренилось. Въ концѣ концовъ, однако, онъ установилъ число лошадей для своихъ гонцовъ, велѣлъ снабжать ихъ особыми удостовѣреніями, запретилъ давать почтовыхъ лошадей всѣмъ гонцамъ, кромѣ ханскихъ, наконецъ, ввелъ прогонную плату, запретилъ брать кормы.

Съ тѣми-же началами перешла почтовая организація и въ Золотую орду. По крайней мѣрѣ, это можно заключить изъ разсказа Плано-Карпини, описавшаго состояніе орды при внукѣ Чингизъ-хана, Бату, въ первой половинѣ 13 вѣка.

---

¹⁷⁾ Это описаніе мы приводимъ въ краткомъ изложеніи, пользуясь переводомъ D'Ohsson, ц. с., т. IV, стр. 397—404 и сличая съ переводомъ Березина. Полный переводъ исторіи Рашидъ-Эддина напечатанъ Березинымъ въ Труд. Восточ. Отд. Археол. Общ., 1858—1888 г.г.

По словамъ Плато-Карпини, ¹⁸⁾ отправляемымъ гонцамъ, сколько бы ихъ не было и куда бы ни было, обязаны были давать немедленно лошадей (*equos subdititios*, т. е. подводимыхъ, подставляемыхъ) и содержаніе. Откуда бы не приходили (къ императору татарскому) къ нему съ данью или посольствомъ, обязаны также давать подъ нихъ лошадей, подводы (*carrus*) и содержаніе. Подробнѣе объ этихъ *equos subdititios* ¹⁹⁾ мы узнаемъ изъ описанія пути Плато-Карпини изъ Кіева къ татарамъ и обратно. Въ 120 верстахъ отъ Кіева въ Каневѣ (*Canova*), зависѣвшемъ, по словамъ Карпини, непосредственно отъ татаръ, начальникъ селенія далъ послу и его спутникамъ лошадей съ проводникомъ до другого селенія. (Кн. I, гл. 1, стр. 11). На первой татарской заставѣ (сторожевомъ пунктѣ—*custodia*) татары сказали, что дадутъ послу лошадей и проводника до Коррензы. Получивъ отъ нихъ лошадей, съ которыхъ татары сошли, отправилось посольство съ татарскимъ проводникомъ до Коррензы (такъ звали одного изъ темниковъ ханскихъ). (Кн. I, гл. 2, стр. 15). Отъ Коррензы до Батыя они получили новыхъ лошадей. Выѣхавъ во вторникъ на второй недѣлѣ великаго поста, они ѣхали съ утра до ночи, а часто даже и ночью, такъ скоро, какъ только могли скакать лошади, которыхъ мѣняли (*equos r. centes*) раза по три и по четыре въ день. (Кн. I, гл. 3, стр. 17). И черезъ Команію отъ Батыя ѣхали очень скоро, потому что мѣняли лошадей разъ по пяти и болѣе въ день (*equos r. centes*), выключая, когда проѣзжали степью. (Кн. I, гл. 5, стр. 25). Мѣнять часто лошадей приходилось и далѣе, когда ѣхали землей Монголовъ, которыхъ послы называли татарами (*quos Tartaros appellamus*) кн. I, гл. 7, стр. 32). Говоря о налогахъ, какими отягчаютъ татары своихъ данниковъ, Плато-Карпини упоминаетъ и объ обязанности давать проѣзжающимъ гонцамъ лошадей и содержаніе. ²⁰⁾ Описывая нравы татаръ, Плато-Карпини рассказываетъ, что самые нисшіе служители татаръ (*minime garconnes eorum*) и гонцы,

¹⁸⁾ Собраніе путешествій къ татарамъ, пер. Языкова, изд. 1825 г., Плато-Карпини, кн. II, гл. 5, стр. 149.

¹⁹⁾ Еще *equos subductitios*. Гаклюйтъ переводитъ—*poste horses*, Языковъ - подводы; см. д. с., стр. 266, объясн. 6,

²⁰⁾ Кн. II, гл. 4, стр. 109, Ср. замѣчанія у Березина, Внутр. устр. Золотой Орды, стр. 21—22.

если не имѣютъ лошадей, то, кого бы тамъ ни встрѣтили на лошади, заставляють его слѣзть долой и лошадь уводятъ, куда хотятъ. ²¹⁾ Изъ разсказа Платано-Карпини мы узнаемъ также, что получение лошадей по пути обезпечивалось особой грамотой (Батия) за печатью: грамота угрожала смертной казнью за ослушаніе (кн. II, гл. 9, стр. 217; о видѣ на свободный проѣздъ—*de conductu* см. также кн. I, гл. 17, стр. 61).

Кромѣ отдѣльныхъ намековъ, встрѣчающихся въ сказаніяхъ различныхъ восточныхъ авторовъ, ²²⁾ о характерѣ почтовой организаціи въ ордѣ свидѣтельствуется до известной степени и такъ называемый Ойратскій уставъ. ²³⁾ Хотя уставъ былъ изданъ только въ 1640 г., но можно считать достаточно выясненнымъ, что въ главнѣйшихъ чертахъ онъ представляетъ собой кодификацію обще-монгольскаго племенного обычнаго права, нормы котораго сложились много ранѣе времени изданія устава и вѣроятно все еще были весьма родственны тѣмъ большею частью обычно-правовымъ нормамъ, которыя нашли выраженіе въ известной намъ лишь въ отрывкахъ ясѣ Чингизъ-хана. ²⁴⁾ Изъ этого устава видно, что почтовые лошади (*Postpferde*, по тексту Палласа) безъ всякихъ отговорокъ давались каждымъ, кто бы онъ не былъ, если посланный ѣдетъ для нужнѣйшихъ дѣлъ, то есть, для всенародной пользы, буде заболѣетъ главный владѣтель или его супруга и во время приближенія великаго непріятеля. ²⁵⁾

²¹⁾ Кн. II, гл. 4, стр. 109—110. Ср. также стр. 151, гдѣ сказано: „гонцамъ воеводскимъ, куда бы они не были посланы, обязаны, какъ императорскіе, такъ и другіе люди, давать безпрекословно лошадей и содержаніе, и погонщиковъ, и служителей“. Въ общемъ,—картина, весьма напоминающая то, что мы уже знаемъ изъ разсказа Рашидъ-Эддина.

²²⁾ Напримѣръ, у Эльмуффадаля, гдѣ почтовые лошади названы „юлакъ“. Сборн. матерьяловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, В. Тизенгаузена, т. I, стр. 192. Юлакъ назывались курьеры и ихъ подручныя лошади—Гаммеръ-Пургсталль, ц. с., стр. 242. Почтовые домики были черезъ каждые три парассанга—Тамъ-же стр. 243. Также и въ описаніи путешествія Ибнбатуты; у Тизенгаузена, ц. с. стр. 302 и сл.

²³⁾ Пользуемся текстами, приведенными въ соч. Леонтовича „Древній Монголо-Калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій, стр. 65—151. Этимъ сочиненіемъ мы пользовались, принявъ во вниманіе и критическія указанія Н. Попова, Ж. М. Н. Пр., 1879 г., 205, стр. 302—318.

²⁴⁾ Леонтовичъ, ц. с. стр. 13—18 и 188—212.

²⁵⁾ Ст. 20, по тексту Палласа—ст. 17.

(По тексту Палласа: 1) по дѣламъ духовенства и религій, 2) по дѣламъ князя и 3) съ извѣстіями къ князю о войнѣ или вражескомъ нападеніи). Но лошади духовныхъ лицъ, видимо, ни въ какомъ случаѣ не брались подъ посланныхъ. ²⁶⁾ Ъдущимъ по нужнѣйшимъ дѣламъ, если они далеко ѡдутъ, полагалось на мѣстѣ ночевки по барану. Если они брали лишнее, подлежали наказанію. ²⁷⁾ Подлежали наказанію и тѣ, кто ложно выдавалъ себя за посланца. ²⁸⁾ Посланцы, въ свою очередь, оберегались уставомъ отъ обидъ. Эти постановленія—несомнѣнный отголосокъ тѣхъ реформъ Газана, о которыхъ, какъ мы уже знаемъ, рассказываетъ Рашидъ-Эддинъ. ²⁹⁾

Если всѣхъ этихъ данныхъ недостаточно, чтобы возстановить картину почтовой организаціи въ ордѣ, то достаточно, съ другой стороны, чтобы утверждать, что организація несомнѣнно существовала. Ознакомившись съ удобствами почтовой системы Китая, монголы разносятъ основы этой организаціи повсюду, куда толкали ихъ завоевательныя ихъ стремленія. Устанавливая по опредѣленнымъ, постоянно однимъ путямъ, сакмамъ или шлягамъ, ³⁰⁾ почтовыя станціи (точнѣе—пункты, гдѣ всегда должны были быть наготовѣ свѣжія лошади), они тѣмъ самымъ связывали разбросанное по громадному степному пространству населеніе въ одно цѣлое, приближали его къ мѣсту стоянки хана, облегчая вмѣстѣ съ тѣмъ и подвозъ дани съ подвластныхъ народовъ. Насколько серьезное значеніе придавали они такому порядку, видно изъ того что въ золотой ордѣ существовала особая должность почтмейстера—ямчи-шусунчи ларъ. ³¹⁾ Какъ мы уже видѣли, такая организація не только не уменьшала значеніе требованія, по которому каждый долженъ былъ при извѣстныхъ условіяхъ облегчать путь посланному и вообще ѡдущему къ хану или отъ хана. Это можетъ служить еще

²⁶⁾ Ст. 24, по тексту Палласа—ст. 21.

²⁷⁾ Ст. 35, по тексту Палласа 29.

²⁸⁾ Ст. 34, по тексту Палласа 28. Уставъ говоритъ о посланцахъ еще въ ст. 31, 32, 36, 124.

²⁹⁾ Указъ Газана о почтовой реформѣ приведенъ цѣликомъ въ **Zeitschrift für Geschichte und Staatskunde** 1835 г., 45.

³⁰⁾ Березинъ, Очеркъ внутр. устр. улуса Джучіева, стр. 456, пр. 7.

³¹⁾ Березинъ, Ханск. ярлык., 2 вып., стр. 31,

однимъ доказательствомъ того, какую важность придавали въ ордѣ правильности и быстротѣ сношеній.

Съ самыхъ первыхъ извѣстій о регулярной ямской гоньбѣ въ Московской Руси она представляется во многихъ отношеніяхъ устроенной по образцу татарскихъ почтъ. Какъ и въ золотой ордѣ, гнали отъ перегона до перегона; какъ и тамъ, на каждомъ перегонѣ спеціальныя лица должны были заботиться о доставленіи ѣдущимъ лошадей, кормъ (хотя и не всегда), проводниковъ; какъ и тамъ, порядокъ ѣзды опредѣлялся особыми грамотами, которыя назывались у насъ подорожными грамотами; наконецъ, какъ и тамъ, устанавливалось правило, что лицо, пользующееся подорожной, почитается ѣдущимъ по приказанію государя, а, слѣдовательно, не должно быть ни задерживаемо, ни вообще подвергаемо какимъ-либо затрудненіямъ. Последнее опредѣлялось отчетливо указаніемъ, что не только ямщики по ямамъ, т. е. спеціально назначенныя для данной цѣли лица, но и „всѣ люди безъ омѣны, кто чей ни буди“ должны давать ѣдущимъ средства и способы для дальнѣйшей поѣздки.³²⁾ Тутъ, слѣдовательно, выступаетъ на первый планъ тождественный обѣимъ системамъ основной принципъ: ѣдущій съ подорожной служить правительственную службу; всѣ, кто способствуетъ этой службѣ, также служатъ правительственную

---

³²⁾ Всѣ эти данныя ясно усматриваются изъ слѣдующей подорожной великаго князя Іоанна III, одной изъ наиболѣе раннихъ изъ числа извѣстныхъ намъ. Подорожная была выдана въ 1504 г. толмачу Селѣ, везшему изъ Москвы посла Максимилиана Юстуса Кантингера. (П. Д. Сп., I, стр. 124). Въ ней читаемъ: „чтобы есте давали (по дорогѣ отъ Москвы до Волочка по ямомъ ямощикамъ) Селѣ толмачю, на Максимилиана на королева челоуѣка на Юдока на Кантингеря двѣ подводы простыхъ да третью подводу съ телѣгою и съ проводникомъ да на Осифа бы есте на жидовина давали подводу простую да подводу съ телѣгою и съ проводникомъ, да трема бы есте сокольникомъ: Сенкѣ, да Ивашку, да Гридѣ давали три-же подводы простыхъ, а Селѣ бы есте толмачю давали двѣ подводы простыхъ да третью подводу подъ кормъ съ телѣгою и съ проводникомъ. А отъ Волочка Метю рѣкою до Новагорода по ямамъ ямощикомъ и всѣмъ людямъ безъ омѣны чей кто ни буди, чтобы есте давали Селѣ толмачю суды и гребцовъ подъ нихъ и кормника, и подъ кречаты, и подъ ихъ рухлядь, и подъ кормъ. А изъ Новагорода до Ивангорода по ямомъ ямощикомъ, чтобы есте давали Селѣ толмачю на Юдока, и на жида, и соколникомъ, и самому Селѣ подводы простые и съ телѣгами и съ проводники подъ рухлядь и подъ кормъ по тому-жъ. А какъ поѣдетъ Селя и соколники съ Ивангорода къ Москвѣ назадъ, и вы бы ямощики Селѣ и сокольникомъ и до Москвы давали пять подводъ отъ яму до яму, не издержавъ ни часу, по сей моей грамотѣ“.

службу. Одинаковость основного принципа и одинаковость цѣлаго ряда формъ его выраженія—одно это заставляло бы признать русскую ямскую гоньбу устроенной по татарскому образцу.

Но разнося съ собой начала такой организаціи, едва ли татары навязывали ее подвластнымъ народамъ. Во первыхъ, этому противорѣчатъ, какъ подмѣчено уже давно, тѣ типическія особенности вторженія кочевниковъ въ осѣдлыя страны, и ихъ тамъ господства, которыя удается уловить, не смотря на несомнѣнную скудость памятниковъ. Кочевники обыкновенно устраняли себя отъ всякой заботы о покоренной странѣ, отъ всякаго управленія ею и даже отъ труда собирать подати съ покоренныхъ. Это достигалось посредствомъ оставленія страны въ рукахъ туземныхъ владѣльцевъ, съ обращеніемъ ихъ въ данниковъ, т. е. въ орудія для выжиманія изъ покоренныхъ въ пользу побѣдителей всего, что первые могли доставить послѣднимъ. Такъ властвовали и монголы надъ Русью.³³⁾ Во вторыхъ, нельзя сомнѣваться, что первоначально на Руси татарскимъ словомъ „ямъ“ обозначали не гоньбу по ямамъ, а особый сборъ, платимый въ орду. Березинъ, какъ уже сказано выше, прямо называетъ ямъ видомъ татарскаго налога, собираемаго съ подвластныхъ народовъ. Къ тому-же приводитъ насъ и разсмотрѣніе княжескихъ договоровъ и завѣщаній: „а коли придетъ дань или ямъ,—читаемъ мы тутъ³⁴⁾, — и княгиня моя дастъ съ тѣхъ волостей и сель по розчету, што ся иметь“. Дань и ямъ, слѣдовательно, одинаково приходятъ и одинаково даются съ волостей по расчету. Ямъ, какъ и дань, черезъ великихъ князей шель въ орду: „а переменеть Богъ орду, не иму давати татарамъ и тобѣ имати дань и ямъ собѣ“. ³⁵⁾ Для сбора яма посылались особые сборщики—ямщики, ямники, упоминаемые рядомъ съ другими видами сборщиковъ: „въ околицу его не вѣзжаютъ ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ“, или: „ни поѣзде, ни ключницы, ни ямникъ, ни боровникъ“. ³⁶⁾ Этотъ сборъ, видимо,

³³⁾ В. Григорьевъ, „Объ отнош. между кочев. народ. и осѣдл. госуд.“ Ж. М. Н. Пр., т. 178, стр. 4.

³⁴⁾ Г. Г. Д., I, 39, 40 - 42.

³⁵⁾ Г. Г. Д., I, 43 - 44, 49 - 50.

³⁶⁾ А. И., I, 2, 13, 14, 36.

имѣлъ значеніе какъ бы откупа въ пользу татаръ отъ ямской повинности, не отбывавшейся въ натурѣ. Точнѣе—такой сборъ являлся примѣромъ распространенія на подвластный народъ понятій, привычныхъ для побѣдителей и очень удобныхъ, чтобы служить предлогомъ для новыхъ поборовъ. Понятіе оставалось безъ содержанія, но это не мѣшало пользоваться имъ для финансовыхъ цѣлей. Такъ какъ обязанность давать подводы была извѣстна у насъ много раньше татарскаго нашествія, то и нужды татаръ въ средствахъ сообщенія должны были найти достаточное удовлетвореніе въ этой уже извѣстной повинности. Татарамъ не было къ тому же никакой выгоды настаивать на введеніи въ русской землѣ регулярной гоньбы по образцу татарской, такъ какъ откупъ отъ нея могъ охватывать все населеніе, въ то время, какъ исполненіе повинности въ натурѣ, осуществлявшееся и безъ того въ видѣ подводной повинности, главнымъ образомъ, падало бы на придорожное населеніе.

Если бы татары, разгромивъ землю русскую, ввели въ ней свои ямы, то естественнѣе всего было бы найти какіе-либо слѣды этихъ ямовъ въ великомъ княжествѣ рязанскомъ, этой всегда первой жертвѣ татарскаго погрома. Такихъ слѣдовъ, однако, нѣтъ.³⁷⁾ Если бы татарскій ямъ понимался какъ учрежденіе для облегченія гоньбы, то слѣдовало бы ожидать, что найдутся какія-либо указанія на особыхъ татарскихъ чиновниковъ, которые завѣдывали бы такой гоньбой. Такихъ указаній также нѣтъ. Предположивъ даже, что татары, поручая сборъ дани князьямъ, поручали имъ и заботу о татарскихъ ямахъ, мы не имѣемъ основанія думать, чтобы князья стали отягощать и безъ того отягощенное татарскими поборами населеніе новой повинностью въ дополненіе къ повинности давать кормъ и подводы существовавшей издревле, вполне пригодной и для татарскаго проѣзда. Первые-же упоминанія о ямѣ, какъ сказано выше, встрѣчаются уже въ послѣдней четверти XIII вѣка, т. е. въ самый разгаръ татарскаго гнета. Наконецъ, если бы ямъ съ

³⁷⁾ Въ Приб. къ общ. цирк. по главн. упр. почтъ и тел. 1843 г., № 2, стр. 2, авторъ видитъ въ грамотахъ Олега Рязанскаго важныя свѣдѣнія о началѣ ямской гоньбы. Но такое мнѣніе основано, очевидно, на пониманіи „ямщика“ и „ямника“, какъ ямскаго стройщика. Иловайскій, Ист. Ряз. Кн. въ Сочин., изд. 1884 г., стр. 193, считаетъ дань и ямъ въ Рязанскомъ княжествѣ податями.

самаго начала означалъ повинность держать на извѣстныхъ пунктахъ лошадей для проѣзда, то въ чемъ-же тогда слѣдуетъ искать различіе между ямомъ и подводой, этими двумя терминами, упоминаемыми въ томъ-же ханскомъ ярлыкѣ другъ за другомъ? Подвода есть повинность давать лошадей проѣзжающимъ гонцамъ, княжескимъ слугамъ и т. д.; ямъ является тутъ сборомъ на устроение гоньбы татарами у себя въ ордѣ, точнѣе откупомъ за неотбывавшуюся въ натурѣ повинность, видомъ татарскаго налога.³⁸⁾ Сказанному нѣсколько противорѣчитъ, повидимому, извѣстная уставная грамота великаго князя Василя Дмитриевича и митрополита Киприана, гдѣ, между прочимъ, находимъ слѣдующее указаніе: „а ямъ по старинѣ шестый день, а коли мои села князя великаго дадутъ тогда и митрополичьи дадутъ“.³⁹⁾ Здѣсь ямъ ни въ какомъ случаѣ не обозначаетъ сбора, указывая, что уже не только къ этому времени (1389 - 1404 г.г.), но и раньше (въ грамотѣ сказано: по старинѣ) ямъ иногда понимался въ смыслѣ повинности. Но понималась-ли здѣсь повинность собственно ямская, т. е. регулярная гоньба отъ яма до яма? Едва-ли. Гораздо вѣрнѣе предположить, что „ямъ“ употребленъ въ грамотѣ вмѣсто „подрода“, что не разъ встрѣчается въ актахъ и значительно позднѣйшаго времени, и именно тамъ, гдѣ, вмѣсто ямскихъ учрежденій, ямскую гоньбу гоняли міромъ. Подробнѣе объ этомъ мы здѣсь говорить не будемъ, но прибавимъ, что ни въ костромскомъ городѣ Лухѣ, ни въ владимірской Сенегской волости, о которыхъ говорится въ уставной грамотѣ, мы не встрѣчаемъ ямскихъ учрежденій еще и пятьдесятъ лѣтъ спустя.⁴⁰⁾ Князья русскіе, во многихъ отношеніяхъ, какъ извѣстно, и довольно быстро усвоившіе финансовую систему

³⁸⁾ Горбуновъ, Льготн. грам., жалован. мон. въ 13-15 в.в., Арх. ист. и практ. свѣд. Калачова, 60-61 г., кн. 5, стр. 77, говоритъ: „кажется, ямомъ назывался уже существовавшій въ это время денежный сборъ съ тѣхъ селъ и деревень, которые по отдаленности отъ линіи сообщеній, тѣмъ самымъ исключались отъ обязанности отправлять ямскую повинность въ натурѣ“. Милюковъ, ц. с., стр. 22, соглашаясь съ этимъ, думаетъ, однако, что въ общемъ, вѣроятно, ямъ древнѣйшихъ документовъ означаетъ повинность, а не налогъ.

³⁹⁾ А. Э., I, 9.

⁴⁰⁾ Любопытно сравнить: еще до нашихъ почти дней тамъ, гдѣ отбываютъ гоньбу міромъ, берется понедѣльно тройка ея пая или по лошади на недѣлю, А. Харузинъ, Свѣдѣн. о казацк. общ. на Дону, стр. 276.

орды, постепенно стали, сверхъ ямского сбора въ орду собирать ямской сборъ и въ свою пользу. По крайней мѣрѣ, уже въ грамотахъ конца 14 вѣка мы встрѣчаемъ указанія на ямъ и на татарскій ямъ, какъ на два различныхъ сбора. Такъ, нерѣдко при освобожденіи отъ подводъ и яма, въ грамотахъ дѣлается оговорка: „опричь татарскаго яму“.⁴¹⁾ Однако, и съ возникновеніемъ этого особаго ямского сбора въ пользу князей нѣтъ еще достаточныхъ основаній предполагать начало регулярной гоньбы. Собирая ямъ въ свою пользу, князья только сохраняли тутъ терминологію, къ которой населеніе успѣло привыкнуть, но обозначеніе налога могло не соответствовать его назначенію⁴²⁾; если случайно и соответствовало, хотя, повторяемъ, доказательствъ въ пользу такого соответствія мы не могли найти, то все таки было бы бесполезно искать здѣсь слѣдовъ какой-либо системы.

Къ этимъ-же выводамъ приводитъ насъ еще и слѣдующее. Въ чьихъ интересахъ было въ описываемое время стремиться къ учрежденію регулярной гоньбы? О томъ, что татары были достаточно обезпечены подводной повинностью, мы уже говорили, какъ говорили и о томъ, что откупъ отъ устройства ямовъ, который могъ взиматься со всего населенія, былъ для нихъ гораздо выгоднѣе. Населеніе не имѣло цѣли стремиться къ устройству регулярной гоньбы, потому что послѣдняя явилась бы лишь новой тяжестью, придаткомъ къ повинности подводной. Кромѣ того, она не освобождала бы и отъ яма, какъ сбора, такъ какъ не въ обычаяхъ финансовой системы того времени было уничтожать сборы, разъ заведенные. Регулярная гоньба не представляла тогда серьезныхъ выгодъ и для князей, такъ какъ, если бы существовала, дѣлала бы владѣнія каждаго болѣе доступными, подвергая, слѣдовательно, новымъ опасностямъ въ эпоху и безъ того смутную и тяжелую. Кромѣ того, регулярная гоньба потребовала бы довольно сложной системы управленія, для каковой не было ни силъ, ни средствъ въ поработанной татарами и раззоренной удѣльной системой странѣ. Для непосредственныхъ-же надобностей каждаго князя и его

⁴¹⁾ А. И., т. I, 74, А. Юр. б. (Кал.), т. I, 31, XI, XIV, XVII.

⁴²⁾ Кури, „О прям. налог. въ древн. Руси“, Юрид. Сб. Мейера, стр. 142, со словъ Карамзина, считаетъ конецъ 14 вѣка временемъ, когда дань взималась и представлялась въ орду самими князьями.

чиновниковъ съ успѣхомъ могла служить все та-же исконная повинность населенія давать подводы, кормъ и проводниковъ.

Такимъ образомъ, можно думать, что, несмотря на существованіе у завоевателей-татаръ регулярной ямской гоньбы, какъ болѣе или менѣе организованной системы, татарское вліяніе на Русь въ этомъ отношеніи первоначально и довольно долгое время выражалось лишь въ томъ, что въ число налогоръ былъ включенъ новый видъ, ранѣе неизвѣстный, называвшійся ямомъ и опредѣлявшійся, какъ сборъ татарамъ на гоньбу, по существу-же имѣвшій значеніе откупа отъ гонимой повинности. Постепенно, едва-ли позднѣе конца 14 вѣка, ямъ, какъ сборъ, вошелъ и въ княжескую финансовую систему. Это-же повело мѣстами къ смѣшенію двухъ понятій—яма и подводы, гдѣ ямъ могъ означать или обязанность выставить подводы, или откупъ отъ подводной повинности. Но образецъ ямской регулярной гоньбы былъ уже извѣстенъ, почва для учрежденія ея была достаточно подготовлена издавна существовавшей подводной повинностью, названіе, въ виду уже происшедшаго отождествленія сбора и его цѣли, твердо укоренилось, самый сборъ для устройства гоньбы уже существовалъ, хотя и не поступалъ сообразно назначенію—оставалось сложиться обстоятельства, которыя обострили бы потребность въ правильномъ и возможно быстромъ сообщеніи, чтобы на почвѣ подводной повинности, по образцу, видѣнному у татаръ, подъ названіемъ у нихъ заимствованнымъ, возникла регулярная ямская гоньба. Такими обстоятельствами явилось какъ общее—постепенное объединеніе русской земли Москвой, какъ частное начало централизаціи внутренняго управленія.

Соотвѣтственно сказанному разрѣшается и вопросъ о времени появленія у насъ первыхъ ямовъ, т. е. опредѣленныхъ пунктовъ, спеціальныхъ станцій для перемѣны лошадей. Вопросъ этотъ, не вызывая въ литературѣ большихъ споровъ, рѣшается, однако, весьма разнообразно. ⁴³⁾ Точно

---

⁴³⁾ Вотъ главнѣйшія мнѣнія: Гр. Толстой, ц. с. стр. 50, думаетъ, что ямы существовали уже въ половинѣ 14 вѣка; то-же утверждаетъ и Бржозовскій, ц. с., стр. 346. Бѣляевъ, Лекціи по ист. рус. закон., стр. 198, относитъ первые ямы ко второй половинѣ 13 вѣка; Домбровскій, О ямахъ до конца XVII вѣка, Ж. М. Н. Пр., 1841 г., XXI, стр. 123—къ 13 вѣку. Анонимный авторъ „Ист. обозр. почтъ въ Россіи“, въ Приб. къ общ. цирк. по главн. управл. почтъ, 1843 г., № 5, стр. 2 къ началу 15

мы знаемъ лишь, то, что регулярная ямская гоньба велась по различнымъ дорогамъ при Іоаннѣ III. Во первыхъ, до насъ дошли нѣсколько подорожныхъ его времени ⁴⁴⁾; во вторыхъ, великій князь въ духовной грамотѣ своей завѣщаль дѣтямъ: „а сынъ мой Василей въ своемъ великомъ княженѣе дрѣжыть ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были ямы и подводы при мнѣ. А дѣти мои Юрійъ зъ братьею по своимъ отчинамъ дрѣжатъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были ямы и подводы по дорогамъ при мнѣ“. ⁴⁵⁾ Известно также, что во времена Іоанна была особая должность ямского дьяка ⁴⁶⁾; можно прослѣдить, когда именно были учреждены Іоанномъ новыя ямы. ⁴⁷⁾

Но если мы устанавливаемъ, что едва-ли ямская регулярная гоньба существовала еще въ началѣ 15 вѣка и, съ другой стороны, точно знаемъ, что она существовала при Іоаннѣ III, то не этотъ-ли великій князь и былъ ея учредителемъ? Мы знаемъ, что Іоаннъ III ставилъ учрежденіе ямовъ въ свою личную заслугу. Это явствуетъ изъ разсмотрѣнія его духовнаго завѣщанія: гдѣ говорится о чемъ либо изстари существовавшемъ, употребляется выраженіе „по старинѣ“ или „по старинѣ и какъ было при мнѣ“, а гдѣ говорится о чемъ-либо вновь введенномъ, употребляется выраженіе „какъ было при мнѣ“. О ямахъ говорится, какъ уже сказано выше, именно въ этихъ

вѣка; то же думаетъ и Соловьевъ, Ист. Р., т. I, стр. 1543. Карамзинъ, Ист. госуд. Росс., изд. Эйнерлинга, 1843 г. т. VI, стр. 132, приписываетъ учрежденіе ямовъ Іоанну III; то же говоритъ и Гагемейстеръ, Розыск. о фин. древн. Россіи, стр. 69. Лешковъ, ц. с., стр. 24 и „Рус. нар. и госуд.“, стр. 318, считаетъ, что ямская гоньба у насъ такъ-же древня, какъ и повинность давать подводы. Лихачевъ, „Разряды дьяки“, стр. 49, относя ямскую повинность и ямскую гоньбу къ глубокой древности, видимо, того-же мнѣнія.

⁴⁴⁾ Памятн. дипломат. снош., I, стр. 23, 112 и др.

⁴⁵⁾ Г. Г. и Д., I, 144.

⁴⁶⁾ Этотъ вопросъ поставленъ Лихачевымъ, „Разрядные дьяки“, стр. 49—51. О ямскомъ дьякѣ упоминается въ духовн. завѣщ. Іоанна III, еще раньше (въ 1492 г.)— въ А. Юр. (Кал.), I, 118, IV-

⁴⁷⁾ Такъ между 1490 г. и 1492 гг. были учреждены ямы отъ Новгорода до Нѣмецкаго рубежа, что видно изъ сравненія подорожныхъ Юрію Греку и Василю Кулещину (П. Дипл. Сн., I, стр. 48) съ подорожной Везевитову (*ibid.*, стр. 112).

последнихъ выраженіяхъ. ⁴⁸⁾ Мы знаемъ также, что еще въ 1476 г. ямы, если и были, то, вѣроятно, по очень немногимъ дорогамъ; ихъ не было и по тѣмъ, которыя имѣли государственное значеніе. Такъ, по одной изъ важнѣйшихъ до-

⁴⁸⁾ Этотъ оттѣнокъ можно прослѣдить по всему тексту завѣщанія. „Какъ было при мнѣ“ упоминается въ завѣщаніи 15 разъ. 1) „Да сыну-жъ своему Василею даю городъ Дорогобужь... со всѣмъ тѣмъ, что къ Дорогобужу и къ тѣмъ волостямъ и селамъ потягло, какъ было при мнѣ“. Здѣсь идетъ рѣчь о Дорогобужѣ литовскомъ, что ясно изъ перечня дорогобужскихъ волостей. Дорогобужь былъ взятъ у Литовцевъ воеводой Іоанна Юріемъ Захарычемъ въ 1500 г. П. С. Р. Л., VIII, стр. 239. 2) „Да сыну-жъ своему Василею даю городъ Белоозеро... со всѣмъ съ тѣмъ, какъ было при мнѣ“. Белоозеро Іоаннъ III получилъ по духовной грамотѣ отъ ки. Михапла Андреевича Верейскаго, Г. Г. и Д., I, 121. 3) „Да сыну-жъ своему Василею даю Вяцкую землю всю... и съ Арскими князьями, какъ было при мнѣ“. Арскіе князья были впервые покорены Іоанномъ III, какъ и Вятская земля окончательно присоединена имъ. П. С. Р. Л., VI, 239. 4) Говоря о князѣ Теодорѣ Бѣльскомъ, которому онъ далъ въ вотчину городъ Лухъ, Іоаннъ III добавляетъ: „а ту свою вотчину дръжать по тому, какъ было при мнѣ“. 5) „А которые князи служебные въ Московской землѣ и въ Тверской землѣ: и тѣ князи всѣ служатъ сыну моему Василею, а вотчины свои дръжать по тому, какъ было при мнѣ“. Мы не будемъ здѣсь разбирать вопроса о служебныхъ князьяхъ— вопроса, который еще во многихъ отношеніяхъ ждетъ разслѣдованія,—но это не препятствуетъ утверждать, что при Іоаннѣ III положеніе служебныхъ князей съ вотчинами и безъ вотчинъ во многомъ было измѣнено великимъ княземъ. Такъ, онъ переводитъ князя Михаила Мезецкаго изъ Мезечевска (передаетъ сыну Дмитрію) въ Алексинъ, отнявъ при этомъ у него право суда, предоставленное сыну Василю. Принимая къ себѣ князей, онъ даетъ имъ города (напримѣръ, Осипу Дорогобужскому—Ярославль, Андрею Микулинскому—Дмитровъ, П. С. Р. Л. VI, 237), но въ завѣщаніи своемъ отказывается эти города сыну Василю вмѣстѣ съ князьями. Такимъ образомъ, отношенія, слагавшіяся до Іоанна III при немъ получили несомнѣнно новый поворотъ. Это и выражается великимъ княземъ въ его завѣщаніи. Ср. Соловьевъ, Ист. Рос., I, стр. 1512 и сл., Сергѣевичъ, Историч. древн., т. II, вып. I, кн. 4, стр. 302—319. 6) „Со всѣмъ съ тѣмъ, что къ Торонцу и къ Острею и къ тѣмъ волостямъ потягло, какъ было при мнѣ“. Торонецъ былъ взятъ послѣ битвы при Лопати (П. С. Р. Л., II, 262). 7) „Да сыну-жъ своему Юрію даю городъ Брянскъ... и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ Брянску и къ Серпѣйску и къ тѣмъ волостямъ потягло, какъ было при мнѣ“. Брянскъ былъ взятъ въ 1500 г. (П. С. Р. Л., VIII, 239), а Серпѣйскъ въ 1493 г. (П. С. Р. Л., VIII, 225). 8) „А что есмь свель торгъ съ Холонья городка на Мологу и тотъ торгъ торгуютъ на Молозе съѣзжаяся, какъ было при мнѣ“. Тутъ прямое указаніе, что новшество завведено Іоанномъ III. 9) „Да сыну-жъ своему Дмитрею... городъ Опаковъ со всѣмъ... съ тѣмъ, что къ Опакову и къ темъ волостемъ потягло, какъ было при мнѣ“. Опаковъ былъ взятъ одновременно съ Серпѣйскомъ и Мѣзеческомъ. (П. С. Р. Л., VIII, 225). 10) „Да благословляю сына своего Андрѣя, даю ему... городъ Любутскъ съ волостями и со всѣми пошлинами, и со всѣмъ, что къ нему потягло, какъ было при мнѣ“. Мы знаемъ, что великій князь воевалъ Любутскъ въ 1492 г., знаемъ, что по договору 1494 г. Любутскъ опять перешелъ къ Литовцамъ, если судить по прим. 395, къ т. V Ист. Карамзина. По словамъ лѣтописи, однако, Любутскъ остался за Москвой (П. С.

рогъ — дорогъ изъ Москвы на Вязьму и Смоленскъ къ границѣ Литовской, ямовъ еще не было. Это видно изъ описанія поѣздки Контарини изъ Москвы на Троки черезъ Вязьму и

Р. Л., VIII, стр. 227). 11) „А сынъ мой Юрьи зъ братьею по своимъ удѣламъ въ Московской землѣ и въ Твѣрской денегъ дѣлати не велятъ; а деньги велить дѣлати сынъ мой Василей на Москвѣ и во Твѣри, какъ было при мнѣ“. Чичеринъ, въ Опыт. по истор. русскаго права, въ ст. Дух. и догов. грам., изд. 1858 г., стр. 323—324, видитъ здѣсь новшество уже въ томъ, что, запрещая удѣльнымъ князьямъ чеканить монету, Іоаннъ III постановилъ ограниченія власти удѣльныхъ князей. Тоже говоритъ и Соловьевъ, Ист. Россіи, I, стр. 1500. Для насъ важно установить, что въ завѣщаніяхъ, предшествовавшихъ данному, мы такого ограниченія не находимъ. 12) „А что есмь подавалъ дѣтемъ своимъ селца у Москвы зъ дворы зъ городцкими на посадахъ: и дѣти мои въ тѣхъ дворехъ торговъ не дрѣжатъ, ни жытомъ не велятъ торговати, ни лавокъ не ставятъ, ни гостей съ товаромъ иноземцовъ, и изъ Московскіе земли и изъ своихъ удѣловъ въ своихъ дворахъ не велятъ ставити; а ставятся гости съ товаромъ иноземци, и изъ Московскіе земли и изъ ихъ удѣловъ на гостиныхъ дворехъ, какъ было при мнѣ“. Соловьевъ, ц. м., видитъ и въ этомъ ограниченіе правъ удѣльныхъ князей въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Такъ оно и было въ дѣйствительности, потому что, складываясь въ гостиныхъ дворахъ, пріѣзжіе гости платили пошлины на великаго князя, а не на удѣльнаго. Для 1586 г. читаемъ: „а ставятца иныхъ земель части съ товары своимъ и торгуютъ на гостиныхъ дворехъ, какъ ведетца въ нашихъ государствахъ издавна, и пошлины съ дворовъ и съ оббаровъ даютъ“. Сб. Ист. Общ., т. 38, стр. 165. До Іоанна III на такой порядокъ указаній нѣтъ. 13) „А кто учнетъ въ детей моихъ сельцехъ и во дворехъ въ городныхъ торговати съестнымъ товаромъ: и сынъ мой Василей тѣхъ торговъ не велить сводити, а пошлину полавочную съ нихъ беретъ сына моего приказщикъ, какъ было при мнѣ“. Этотъ пунктъ завѣщанія находится въ прямой связи съ предъидущимъ. Сама по себѣ тщательность и подробность въ изложеніи требованій, опять таки клонящихся къ возвеличенію великаго князя надъ удѣльными, показываетъ, что это былъ новый порядокъ. Такое утвержденіе можетъ быть доказано еще тѣмъ, что, говоря далѣе о распредѣленіи судебныхъ пошлинъ съ сель въ московскихъ станахъ Іоаннъ III прямо опредѣляетъ, что душегубствомъ и поличнымъ тѣ села тянутъ къ городу къ Москвѣ по старинѣ. Ср. А. Э. I, 115. 14) „А грамоты полные и докладныя на Москвѣ пишетъ дьякъ ямской сына моего Васильевъ, какъ было при мнѣ“. Какимъ образомъ и почему ямской дьякъ долженъ былъ писать докладныя и полныя грамоты—этимъ вопросомъ очень заинтересовался уже Лихачевъ, Разрядн. дьяки, стр. 50—52. Онъ рѣшаетъ его такъ: приказъ тутъ былъ личный, добавочный къ основному; причину такого соединенія авторъ видитъ въ старомъ обычаѣ—„какъ было при мнѣ“. Но правъ-ли г. Лихачевъ, когда придаетъ словамъ „какъ было при мнѣ“ значеніе стараго обычая? Рѣшить этотъ вопросъ можно только при условіи, что будетъ найдена докладная, относящаяся ко времени до Іоанна III. (Послѣ Іоанна III докладныя писались ямскими дьяками еще въ 1553 г., какъ это видно изъ А. Э., I, 237). Если бы, однако, порядокъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, существовалъ до Іоанна III, представлялось бы трудно объяснимымъ, зачѣмъ великій князь нашелъ нужнымъ указать его такъ точно и подробно въ духовной. Наконецъ, 15) указанное въ текстѣ настоящей работы мѣсто о ямахъ. Въ литературѣ, кажется, только Чичеринъ, ц. с. стр. 315, имѣлъ въ виду придать словамъ „какъ было при мнѣ“ значеніе указанія на новые порядки.

Смоленскъ. „Нужно замѣтить, говорить Контарини, ⁴⁹⁾ что съ отъѣзда нашего изъ Москвы, т. е. съ 21 января, по самый день прибытія въ Троки, т. е. по 12 февраля, мы постоянно ѣхали по ровному лѣсистому мѣсту и лишь изрѣдка встрѣчали небольшіе холмы. Иногда попадались намъ по дорогѣ маленькія деревушки, въ которыя мы заѣзжали для отдыха; чаще-же проводили ночи въ лѣсу. Въ полдень останавливались мы для обѣда и почти всегда находили на снѣгу остатки разведеннаго огня, забытаго, вѣроятно, путниками, прежде насъ тутъ бывшими, а также проруби во льду для лошадей и разные другіе признаки недавняго ночлега“. Дорогу отъ Москвы до Вязьмы и, въ особенности, отъ Вязьмы до Смоленска Контарини совершалъ безостановочно, перемѣнивъ лишь даннаго великимъ княземъ проводника въ Вязьмѣ и въ Смоленскѣ. ⁵⁰⁾ Если бы на пути встрѣчались ямскія учрежденія, такой наблюдательный путешественникъ непременно отмѣтилъ бы ихъ, какъ въ послѣдствіи это дѣлали всѣ путешественники. Нѣтъ извѣстій о ямской гоньбѣ также и у Барбаро, хотя онъ спеціально касается вопроса о томъ, какъ совершаютъ москвитяне свои путешествія. ⁵¹⁾

Если все это не доказываетъ еще съ очевидной несомнѣнностью, что до Іоанна III ямской гоньбы у насъ не было, то доказываетъ, во всякомъ случаѣ, что только Іоанномъ III было придано ей административное значеніе и что только съ этого времени она начала складываться въ систему. Слѣдовательно, если понимать подъ ямской гоньбой такой пріемъ регулярнаго сообщенія, при которомъ можно говорить хотя бы о нѣкоторыхъ признакахъ его устройства, то началомъ гоньбы слѣдуетъ считать годы великокняженья Іоанна III.

Такое объясненіе представляется тѣмъ болѣе убѣдительнымъ, что только со второй половины 15 вѣка начало завершаться объединеніе Москвой земли русской, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ чертахъ, какъ съ того-же времени начало централизоваться внутреннее управленіе — ямы-

---

⁴⁹⁾ Библ. иностр. писат. о Россіи, пер. Семенова, изд. 1836 г., т. I, стр. 116—118. Въ изданіи (гаескомъ, 1735 г.) Бержерона, стр. 56, 57.

⁵⁰⁾ Ямы въ Смоленской землѣ были учреждены около 1514 г. Г. Г. Д., I, 143.

⁵¹⁾ Библ. Иностр. пис. о Рос., т. I, стр. 58—59.

же, между тѣмъ, не были учрежденіемъ, созданнымъ народомъ или для народа; ихъ создавало правительство и для себя. Герберштейнъ, напримѣръ, называетъ ямы учрежденіемъ для княжескихъ гонцовъ.⁵²⁾ Данииль Принцъ изъ Бухова прибавляетъ, что занимающіеся торговлей и ѣдущіе въ Московію частнымъ образомъ терпятъ большія неприятности и большія затрудненія.⁵³⁾ Когда въ 1603 г. къ Борису Годунову явилось посольство отъ Ганзы, которое въ своей челобитной, между прочимъ, просило, чтобы подъ товары ганзейскихъ купцовъ было разрѣшено нанимать ямскихъ лошадей, царь приказалъ отвѣтить, что ямы учреждены въ Россіи не для купечества, а единственно для гонцевъ правительства и для пословъ чужеземныхъ.⁵⁴⁾ Такой-же взглядъ на ямы господствовалъ еще и во времена Олеарія.⁵⁵⁾ Мы знаемъ также, что въ то время, какъ важнѣйшіе торговые пути долго еще остаются необезпеченными или плохо обезпеченными ямской гоньбой, другіе пути, разъ только опредѣлялось ихъ значеніе, какъ путей посольскихъ или путей, по которымъ шла казна въ Москву, вызываютъ усиленныя заботы. Такъ, мы читаемъ о затруднительности сѣверныхъ торговыхъ путей и у Герберштейна,⁵⁶⁾ и еще у Логана и Порсглова для 1611 г.;⁵⁷⁾ о томъ, въ какомъ положеніи были южные торговые пути въ концѣ 16 вѣка достаточно говоритъ Поссевинъ.⁵⁸⁾ Между тѣмъ отъ Новгорода до нѣмецкаго рубежа уже въ 1492 г. существовали ямы, хотя путь пролегалъ мѣстами пустынными и малонаселенными.⁵⁹⁾

⁵²⁾ Записки о Московіи, пер. Анонимова, стр. 87.

⁵³⁾ Чт. О. И. Д. 1876 г., 4, стр. 73.

⁵⁴⁾ Карамзинъ, т. XI, стр. 48.

⁵⁵⁾ Цитируемъ по перев. Барсова, стр. 226.

⁵⁶⁾ Герберштейнъ, стр. 119, 121, 122. Говоря здѣсь о пути Москва—Переяславль—Ярославль—Вологда, путешественникъ, со словъ бывалыхъ людей, замѣчаетъ, что въ этихъ странахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго исчисленія пути по причинѣ частыхъ болотъ и лѣсовъ.

⁵⁷⁾ Гамель, Англичане въ Россіи, изд. 1865 г., стр. 194—196.

⁵⁸⁾ Московія, вилен. изд., 1586 г., стр. 4.

⁵⁹⁾ Шторхъ, *Historisch-statist. Gemälde des Russisch. Reichs*, ч. VII, стр. 241, думалъ, что ямы обязаны были своимъ происхожденіемъ частной промышленности. Но уже Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 366, справедливо отмѣтилъ, что если иногда политическіе и административные интересы правительства и торговые выгоды населенія отъ существованія на иныхъ дорогахъ ямовъ совпадали, то это не больше, какъ случайность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить, что ямская гоньба, развившаяся, очевидно, на почвѣ подводной повинности, но получившая затѣмъ самостоятельную исторію, отнюдь не сдѣлала подводную повинность излишней. У насъ имѣется не мало данныхъ судить, что еще въ 17 вѣкѣ подводная повинность дополняла ямскую гоньбу, иногда шла параллельно съ ней. Съ точки зрѣнія управленія ямская гоньба была значительнымъ шагомъ впередъ, такъ какъ только со времени учрежденія этой гоньбы достигалась быстрота и правильность сношеній, что, конечно, представлялось весьма важнымъ для цѣлей управленія. Съ точки зрѣнія населенія, ямская гоньба вызывала необходимость лишь въ новыхъ жертвахъ.

Такимъ образомъ, мы не видимъ препятствій утверждать, что ямская гоньба съ самаго начала явилась учрежденіемъ, созданнымъ по извѣстному образцу властью, а не сложившимся само собою. Весьма возможно, далѣе, что уже нѣсколько раньше въ отправленіе подводной повинности былъ внесенъ извѣстный порядокъ (въ видѣ-ли замѣны выставленія подводъ по мѣрѣ надобности выставленіемъ подводъ въ очередь и въ опредѣленные пункты, въ видѣ-ли установленія нѣкотораго, намъ неизвѣстнаго, надзора за отправленіемъ подводной повинности), который облегчилъ устройство на почвѣ подводной повинности регулярной ямской гоньбы, но самый переходъ совершился не самъ собою, такъ какъ онъ былъ, во всякомъ случаѣ, вызванъ не народными потребностями, а потребностями централизованнаго управленія. Всѣ свѣдѣнія, замѣтимъ при этомъ, о первыхъ ямахъ ведутъ насъ къ Москвѣ, какъ къ исходному пункту и къ Іоанну III, какъ къ учредителю.

